

ОБРАЗ ВОИТЕЛЬНИЦЫ В РОССИЙСКОМ И КИТАЙСКОМ ДИСКУРСАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ¹

Якушенкова О. С.

Якушенкова Олеся Сергеевна, Астраханский государственный университет, 414056, Астрахань, Россия, ул. Татищева, 20а. Эл. почта: jestersshadow@mail.ru

Статья рассматривает примеры трансформации национальных культур в процессе встречи с Чужой культуры. В качестве предмета исследования была выбрана гендерная трансгрессия, являющаяся результатом влияния кочевых культур на российскую и китайскую культуры. Трансгрессия или переход от нормативности к новым моделям поведения, ранее считавшимся неприемлимыми для традиционной культуры, является один из важнейших механизмов выживания во фронтирных территориях, позволяющих индивиду наиболее быстро и успешно адаптироваться к быстроизменяющимся условиям культурного ландшафта. Встреча с чужой культурой порождает новую модель поведения, так как Чужой, и особенно Чужая женщина воспринимаются как чрезмерно воинственная и избыточно сексуальная. Нередко эти два качества совмещаются в одно целое. В ситуации фронтирного контакта, когда военные конфликты оказываются доминирующими, эта модель воинственного поведения женщины оказывается нормативной для культуры, которая ранее воспринимала ее как неприемлемую. И русская, и китайская культуры, будучи патриархальными, требовали от женщин послушания и рассматривали женщин-воительниц как дважды Чужих, а их образ, зачастую, становился универсальным для маркировки дикости Чужого. Однако, в условия пограничных конфронтаций новая трансгрессивная модель постепенно не только допускалась обществом, но и в ряде случаев становилось нормой, особенно в случаях, если субъектом трансгрессии оказывалась Чужая женщина, что и было показано на примере ряда персонажей китайской истории. В качестве параллельного материала в статье анализируются российские былины о схватке богатыря с полонянками. Автор полагает, что подобная фольклорная тема является результатом контактов славян с половцами.

Ключевые слова: Чужой, фронтир, межкультурная коммуникация, трансгрессия, модели поведения, женщины, воинственность, русские былины, кочевники

---

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ 17-33-01069 «а2» «Встреча с Чужим: российский и дальневосточный опыт межкультурной коммуникации».

Существование культуры в условиях полной изоляции достаточно маловероятно, а значит, межкультурные контакты так или иначе являются неотъемлемой частью существования любого социума. Вторжение Чужого в нашу реальность будоражит и заставляет подстраиваться под новые условия существования, вырабатывая наиболее успешные способы взаимодействия. Чем дальше от нас географически отстоит этот Чужой, тем более странным и диким он нам кажется. На Чужого переходят все негативные черты природного мира, со всеми характеристиками необузданного и первозданного ландшафта (Якушенков, Топофилия vs топофобия как когнитивные парадигмы фронтального пространства, 2015). Таким образом, представители других народов становятся в нашем воображении неконтролируемыми, распутными или сексуально озабоченными. Их действия не состыкуются с нашими представлениями о морали и зачастую «Чужим» народам приписывается приверженность к групповому браку и промискуитету, что, однако, является лишь отражением общего механизма построения образа Чужого.

Особую роль в таком переносе отводится Чужой женщине, поскольку она по сути является существом дважды Чужим – чужая для патриархального общества и Чужая как представитель иной этнической группы.

Исследователи Элла Шохат и Роберт Стэм отмечают, что покорение новых земель в западном дискурсе нередко описывается через сексуальные метафоры (Shohat & Stam, p. 141): «девственные земли» завоевываются и «оплодотворяются», становясь собственностью первооткрывателя, что распространяется и на ресурсы этой земли. Подобный дискурс сохраняется и в наше время, ведь Амазонские джунгли продолжают называть «девственной территорией» и по сей день. Метафора девственности – это обратная сторона образа агрессивно-сексуальной, дикой женственности, поэтому «Ничейная земля» или дикая природа могут быть охарактеризованы как стойкие, суровые и жестокие, т.е. страна диких ландшафтов, которую необходимо приручить; строптивые народы будут окультурены, а пустыня – цвести (Якушенков, 2017, стр. 12-28). В конечном счете, это служит идее спасения, которая используется при необходимости оправдания завоевательной политики, т.е. завоеватель делает одолжение покоренному народу, спасая его от «дикости».

Подобное противостояние мужчина завоеватель \ сексуальная Чужая является отражением структуры любого патриархального общества. Патриархальность китайского общества во многом поддерживалась конфуцианской идеологией, пропагандировавшей конкретные принципы надлежащего поведения. Эти идеалы включали

примат родственных групп над индивидуумом, жесткое разделение полов, доминирование мужчины над женщинами, ритуализированные отношения между полами, приоритет в воспитании сыновей, а также моральные запреты на поведение, которое может дестабилизировать социальное устройство, к примеру, повторный брак и вступление вдов в новые отношения (Hinsch, p. 39). Однако масштабы приверженности этим этическим предписаниям в разные эпохи сильно различались, и как отмечает Б. Хинш, практика бракосочетания до династии Тан соответствовала этим идеалам меньше, чем в последующие эпохи, что могло диктоваться практической необходимостью (p. 39).

Воплощением идеала женского поведения стала традиция бинтования ног, лишавшая женщин возможности самостоятельно передвигаться. «Золотой лотос» (перебинтованная ступня, длиной в 7 см.) был залогом успешного замужества, однако, поскольку позволить себе прокормить дочь, чья способность помогать по хозяйству из-за ограниченной подвижности была исключена, могли только зажиточные семьи. Это также сокращало возможности для девушек из неаристократических семей перемещения по социальной лестнице.

Следование ритуальности и строгие социальные роли были ключевым моментом китайского понимания цивилизации и цивилизованности. В этом смысле особенно интересны приводимые Б. Хинш изображения эпохи Хань, позиционирующие варваров – врагов китайской культуры – как женщин-воительниц, т.е. их исключение женщин из военной сферы являлось одним из базовых маркеров цивилизованного поведения (2011, p. 101).

Не менее патриархальной была и Русь. Исследовательница Б. Эванс Клементс, изучавшая историю женщин в России, отмечает что патриархальная структура общества была общеевропейской, с тем лишь отличием, что христианство на Русь приходит несколько позднее, чем к Западным соседям (2012, p. 2). Семейная принадлежность, титулы и имущество, наследовались по мужской линии, и мужчины занимали все государственные должности, светские и религиозные. Возраст и социальный ранг также влияли на гендерную иерархию, как и во многих других обществах, и поэтому старшие имели власть над младшими в своих семьях, а также над всеми мужчинами, которые находились ниже их социально за пределами семейного круга. У пожилых женщин была значительная власть над более молодыми женщинами-родственницами, помимо этого они пользовались уважением своих сыновей. Вдовам, возможно, было предоставлено больше автономии, чем замужним женщинам, что, по мнению Клементс, имело место и в других странах Европы (Clements, p. 2). Женщины также следили за послушанием рабов и слуг, т.е. мужчин и женщин, которые находились иерархически ниже.

Это предоставление власти в соответствии с возрастом женщины и ее статусом в иерархии семьи и общества распространялось и на нижестоящих членов общества Руси (Clements), что было присуще не только для древней Руси, но и для последующих столетий России и Европы.

Одна из самых значительных женщин Древней Руси – это княгиня Ольга. Каждый школьник знает о ее мести древлянам, однако по мнению Рыбакова, эта история – целостное политическое сочинение, полу-былина о гармоничности государственного и народного начала в пору неупорядоченных феодальных отношений (Рыбаков Б. А., 1987, стр. 380). Аналогичный подход упоминают и другие авторы (Данилевский, 2004, стр. 78-80), (Лихачев, 1950, стр. 297). Уже упомянутая выше Б. Клементс отмечает параллели со скандинавским фольклором (Clements, p. 9). В рамках нашего анализа не столь важна подлинность истории, сколько связь образа женщины (и женской агрессии) с мезтью.

Русский фольклор пестрит образами героинь, не вписывающихся в традиционные представления о женском поведении. По мнению С. Плетневой, в эпоху после крещения Руси не могло быть и речи о русских девушках, скитающих по степи, т.е. поляницами были молодые половчанки (2010, стр. 75). Она же отмечает, что часто встречающийся мотив сдергивания богатыря с седла – это типичный половецкий прием, а борьба жениха и невесты – часть половецкого свадебного обряда (Плетнева, стр. 76). По ее мнению, в условиях кочевий от женщины требовалось не только управлять хозяйством, но и обороняться в отсутствие мужей (Плетнева, стр. 76). Уже упомянутый выше Рыбаков же пишет, что воины-тюрки – печенеги, половцы (а позднее и татары) были патриархальными народами, у которых не было, как правило, женщин-воительниц, поэтому он рассматривает это мотив как отражение киммерийско-сарматских реалий (Рыбаков Б. А., 1987, стр. 620), что, однако, на наш взгляд, несколько менее вероятно, чем результат контактов с тюрками. Здесь, опять-таки, не столь важен факт реального наличия у половцев и печенегов женщин-воительниц, сколько отражение процесса взаимодействия с Чужим, происходящее по тем же критериям и представлениям о «цивилизованности», что и в упомянутом выше случае с изображением варваров в Китае.

Фольклор народа не обязан отражать события с исторической точностью, в то же время он является важным источником сведений о культурных контактах. Чужой в былинах нередко демонизируется, и его образ приобретает гипертрофированные черты. Как минимум три половецких хана – Тугоркан, Боняк и Шарукан вошли в русский фольклор. Боняк фигурирует как Буняка Шелудивый. Образ его, как правило, гротескный – он либо слишком маленького, либо огромного

роста, нередко это только голова, без тела, которая катится по земле, уничтожая все на своем пути. Иногда он упоминается как людоед или как существо со смертоносным взглядом. Тугоркан, же, по мнению некоторых исследователей, вошел в русские былины как Тугарин Змей (Рыбаков Б. , 1963, стр. 102). Конечно, связь со змеями может являться следствием наложения образа «завоевателя» на мотив борьбы с Чужим завоевателем традиционного для Руси (да и многих других народов) мотива борьбы со змеем, однако, С. Плетнева объясняет этимологию прозвища («змей») как кальку с названия половецких орд, а поскольку русские знали половецкие самоназвания и их значение, то и могли переводить их на русский язык (2010, стр. 74).

Особенно интересен тот факт, что не всегда змей в русских былинах является мужчиной. К примеру, былина о бое Добрыни со змеем (Григорьев, 1904, стр. 272) (Былина о Добрыне Никитиче, 1904) существует в нескольких вариантах, в одном из которых змея представлена как существо женского рода. Змея (или змей) живут в море и нападают на героя, решившего голым плавать в воде, хотя его несколько раз предупреждали о возможных последствиях этого поступка. Герой нарушает запрет и вынужден заключить союз со Змеей, чтобы спасти свою жизнь. В конце повествования герой освобождает русских пленных и получает невесту. В былине «Рождение Добрыни и его первый бой со змеем» (Русские народные былины. По сборникам Кирши-Данилова, Рыбникова, Киреевского и Гильфердинга, стр. 68-71) герой изначально мотивирован на освобождение русских пленных, однако в этом нарративе отсутствуют предупреждающие героя девы. Змея же, как и в первом тексте, – женского рода, а история заканчивается заключением договора со змеей о соблюдении «границ». В продолжении это былины – «Второй бой со змеей и освобождение Забавы» (Русские народные былины. По сборникам Кирши-Данилова, Рыбникова, Киреевского и Гильфердинга, стр. 72-77) – змея нарушает договор и отправляется на Киев, похищая Забаву Путятичну, а Добрыню призывают достать пленницу «без боя и кровопролития», так как он – единственный богатырь, у которого заключен договор со змеей. Л.А. Абрамян, анализируя роль образа змея, отмечает замену мотива убийства змея на соитие с девушкой (нередко хтонической) в русских сказках: богатырка засыпает «богатырским» сном, а герой овладевает ею и крадет молодильные яблоки и воду (Абрамян, стр. 25-26). Есть также варианты сказки, где роли охранителя священного сада и девицы разведены: герой убивает охранника и получает доступ к прекрасной деве.

Свадебные мотивы достаточно часто звучат и в былинах, где герой вступает в бой с женщиной, причем, зачастую не он бывает

инициатором свадьбы. К примеру, в былине «Бой Добрыни с удалой поляницей и женитьба на ней» (Русские народные былины. По сборникам Кирши-Данилова, Рыбникова, Киреевского и Гильфердинга, стр. 78-82) герой встречает поляницу, превосходящую его по силе и смелости, что заставляет его сомневаться в своих способностях. Герой устраивает проверку и убеждается что не утратил сил, однако, поляница сильнее героя, она скидывает его с коня и кладет в «мешок»: «Если ровня богатырь - замуж пойду» (Русские народные былины. По сборникам Кирши-Данилова, Рыбникова, Киреевского и Гильфердинга, стр. 81). В другой былине («Настасья Никулична») героиня также принуждает Добрыню к браку. Мы уже упоминали точку зрения некоторых исследователей о том, что образ поляницы, т.е. женщины-воительницы, мог появиться под влиянием представлений о Чужом. А.Ф. Гильфердинг же связывал наличие образа воительницы в Олонецких былинах, и утрату его значения в других областях России, со сложными условиями жизни в губернии: «Олицетворяя в богатыре мужскую силу и отвагу, крестьянин этих мест не мог отделять его от такого же героического типа женщины; потому так ясно и сохранилось здесь понятие о полянице, которое в других краях России потеряло свою определенность» (Гильфердинг, стр. XXVI).

Зачастую подобные «гендерные» сдвиги происходят на гетеротопных и фронтальных пространствах (Якушенкова, Женщина на американском фронте., 2013), а Олонецкая губерния определенно была одной из них. Трансгрессия, по сути, является одной из базовых черт гетеротопных пространств, поскольку последние ломают все сложившиеся стереотипы поведения и принуждают человека менять традиционную модель поведения на более подходящую в новых условиях. Не лишним будет отметить, что буферные\фронтальные зоны как раз представляют собой подобные гетеротопии, в которых столкновение с Чужой культурой вынуждает принимать новые условия. Даже если подобные сдвиги не сильно заметны, они оказывают значительное влияние в долгосрочной перспективе.

Древнекитайская и древнерусская культуры – патриархальны по сути. И все же, обе из них допускали существование образа женщины воительницы, идущего, казалось бы, в разрез с основным концептом «женственности», доминирующем в этих культурах.

Однако, необходимо отметить, что даже патриархальная модель допускала существование идеи женщины как субъекта мести. Так, инициатором восстания в Хайцзюе против династии Синь становится Мама Лю, после того как ее сын был казнен за незначительный проступок. После ее смерти в 18 г. н.э. ее последователи влились в восстание красnobровых, что в итоге привело к свержению императора.

Мечь стала также причиной борьбы сестер Чынг (национальных героинь Вьетнама) против китайских наместников (они смогли завоевать 65 городов).

Исключение женщин из военного дела как помехи определяло ранний имперский период китайской истории. Хотя императорские супруги и наложницы «добывали» важные посты для своих отцов и братьев, они сами были исключены из поля власти. Однако, на некоторых территориях такая установка не работала, и это справедливо в первую очередь для фронтальных земель, где происходило слияние китайской культуры и культур кочевых племен.

Жена основателя династии Лянь и государства Киданей – Интянь, придумала план уничтожения противников мужа и помогала ему оставаться у власти, когда его братья угрожали ему восстанием. Она же отбирала доблестных воинов для собственного войска. В последствии, в отсутствие императора она обнаружила заговор и собственным войском подавила восстание двух кланов (Johnson, p. 124).

Жена императора династии Ляо Цзин-цзуна Чэнтянь (она же Жуйчжи) фактически управляла государством, решая также и военные вопросы. Из-за слабого здоровья сам император был не в состоянии разрешать спорадические военные конфликты, и эта функция отошла к императрице. После смерти мужа ее влияние не уменьшилось, и ее по-прежнему можно было увидеть на поле боя, рядом с ее сыном, во главе десятитысячного войска (Lee & Wiles, pp. 481-483). Ее сестра, Сяо Хуньян, продолжила военную традицию. После смерти мужа она возглавила его войско и стала командовать экспедиционной силой против пограничных племен. (Johnson, p. 131)

Однако, киданьские женщины были не единственными воительницами в китайской истории. Здесь достаточно упомянуть весьма значимую для китайской истории Балладу о Хуа Мулань, рассказывающую о женщине, ушедшей на войну с кочевниками вместо отца (или слишком молодого для службы брата). Хотя история Мулань все же вписывается в конфуцианские представления о долге и готовности пожертвовать всем для его исполнения.

Лян Хуньюй, жена генерала Хань Шичжуна, сопровождала его на полях сражений и удостоилась государственного вознаграждения зарплатой за вклад в безопасность. Цинь Ляньюй – китайская государственная и военная деятельница, известная участием в обороне империи. Хотя она не принадлежащая к ханьской этнической группе, действовала и в их интересах, противостоя маньчжурским войскам.

Как мы видим, эти героини в основном связаны с необходимостью противостоять внешнему завоевателю-кочевнику, либо, как случае с представительницами династии Ляо – сами являются

представителями другой культуры, тем не менее, оказывающей значительное влияние на китайскую. Интересно, что образ воительницы актуализировался и в XX веке – в период японо-китайской войны (1937-1945) (Dooling, p. 24), что во многом обосновывается необходимостью мобилизации всего населения для противостояния внешнему врагу. Женщина как защитница появляется и в российском дискурсе в период Великой отечественной войны. В обоих случаях гендерная трансгрессия служила идее защиты родины и мести завоевателям.

Образ женщины-воительницы весьма актуален и в современном китайском кинематографе, о чем мы уже писали ранее (Якушенкова & Сюй). Зачастую, подобное поведение словно иллюстрирует упомянутое выше ханьское представление о варварах, чьими предводительницами являются женщины, поскольку такой подход усиливает «чуждость» персонажа и антагониста, наряду с внешними маркерами дикости – специфической одеждой (или ее отсутствием), татуировками и т.д. Однако и конфуцианская модель защитницы родины, оставляющей оружие с устранением агрессора, также встречается достаточно часто.

Гендерная трансгрессия, проявляющаяся во многом одинаково в зонах межкультурных контактов России и Китая, как видно из примеров выше, была зачастую спровоцирована встречей с Чужой культурой, причем в обоих случаях это были столкновения с кочевой культурой. Будучи патриархальными культурами, и русская, и китайская требовали от женщины послушания и подчинения, однако, кризисные периоды военных столкновений и фронтальные зоны оставляли возможность для отклонения от этой модели поведения, а месть и защита территорий представлялась достаточным основанием для демонстрации трансгрессивного поведения, причем образ трансгрессирующей героини актуализировался обеими культурами в XX в. при столкновении с внешними агрессорами.

Список литературы

Clements, B. (2012). *A History of Women in Russia: From Earliest Times to the Present*. Bloomington: Indiana University Press.

Dooling, A. D. (2005). *Women's Literary Feminism in Twentieth Century China*. NY: PALGRAVE MACMILLAN.

Hinsch, B. (2011). *Women in Early Imperial China*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc.

Johnson, L. (2011). *Women of the Conquest Dynasties. Gender and Identity in Liao and Jin China*. Honolulu: University of Hawaii Press .

Lee, L., & Wiles, S. (2014). *Biographical Dictionary of Chinese Women: Tang Through Ming, 618-1644*. London: M.E. Sharpe.

Shohat, E., & Stam, R. (2014). *Unthinking Eurocentrism. Multiculturalism and the Media*. NY: Routledge.

Абрамян, Л. А. (1994). Змей у источника (к символике универсального ритуально-мифологического образа). В *Историко-этнографические исследования по фольклору*. (стр. 20-34). Москва: Изд. фирма «Науч. лит.» РАН.

Былина о Добрыне Никитиче. (1904). Санкт-Петербург: и-е Санкт-петербургского общества грамотности.

Гильфердинг, А. Ф. (1873). *Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года*. СПб: Тип. Императорской Академии Наук.

Григорьев, А. Д. (1904). *Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899-1901 гг. : с напевами, записанными посредством фонографа, Т. 1, Ч. 1. Поморье. Ч. 2. Пинега*. Москва: Изд. Император. Акад.

Данилевский, И. (2004). *Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов*. Москва: Аспект–Пресс.

Лихачев, Д. С. (1950). *«Повесть временных лет»*. Ч. 2. *Приложения*. М.-Л.: И-во Академии наук СССР.

Плетнева, С. (2010). *Половцы*. Москва: и-во «Ломоносовь».

Русские народные былины. По сборникам Кириши-Данилова, Рыбникова, Киреевского и Гильфердинга. (1904). Москва: Т-ва И.Д. Сытина.

Рыбаков, Б. (1963). *Древняя Русь: сказания, былины летописи*. М.: Академия наук СССР.

Рыбаков, Б. А. (1987). *Язычество Древней Руси*. Москва: Наука.

Якушенков, С. Н. (2015). Топофилия vs топофобия как когнитивные парадигмы фронтального пространства. *Каспийский регион: политика экономика культура*, 261-266.

Якушенков, С. Н. (2017). На границе тучи ходят хмуро, край суровый тишиной объят. Часть 2. *Журнал фронтальных исследований*, 8-36.

Якушенкова, О. С. (2013). *Женщина на американском фронтире*. Астрахань: изд. Сорокина Р.В.

Якушенкова, О. С., & Сюй, Ю. (2015. № 2). Гетеротопные образы фронтальной героини в китайском кинематографе. *Каспийский регион: Политика, экономика, культура.*, С. 363-367.

**THE IMAGE OF A WOMAN-WARRIOR IN THE RUSSIAN AND
CHINESE DISCOURSE: A COMPARATIVE ANALYSIS**

Yakushenkova O.S.

Iakushenkova Olesya Sergeevna, Astrakhan State University,
414056, Astrakhan, Russia, Tatischeva Str., 20a. E-mail: jestershadow@mail.ru

The article examines examples of the transformation of national cultures in the process of cultural encountering. As a subject of the study, a gender transgression was chosen which was a result of the influence of nomadic cultures on Russian and Chinese cultures. The transgression or transition from normativity to new behaviors, previously considered to be a pattern unacceptable for traditional culture, is one of the most important mechanisms of survival in Frontier areas, allowing the individual to adapt quickly and successfully to the rapidly changing conditions of the cultural landscape. A meeting with the Alien culture creates a new pattern of behavior, since the Alien, and especially the Alien woman is perceived as being excessively militant and excessively sexual. Often, these two qualities are combined into one. In a situation of Frontier contacts, when military conflicts are dominant, this model of warlike behavior of a woman turns out to be normative for a culture that previously perceived it as unacceptable. Both Russian and Chinese cultures, being patriarchal, demanded obedience from women and considered female warriors as twice Aliens, and their image, often, became universal for marking the savagery of the Alien. However, in the conditions of border confrontations, the new transgressive model was gradually not only allowed by society, but in a number of cases it became the norm, especially in cases where an Alien woman was the subject of the transgression, which was shown by the example of a number of biographies from Chinese history. As a parallel material in the article, Russian epic stories about the battle of the hero (Bogatyr) with the Steppe Female Knight are analyzed. The author believes that such a folklore theme is the result of contacts of the Slavs with the Kipchaks.

Keywords: the Other, frontier, intercultural communication, transgression, cultural patterns, women, militancy, Russian epics, nomads

References

Clements, B. (2012). *A History of Women in Russia: From Earliest Times to the Present*. Bloomington: Indiana University Press.

Dooling, A. D. (2005). *Women's Literary Feminism in Twentieth Century China*. NY: PALGRAVE MACMILLAN.

Hinsch, B. (2011). *Women in Early Imperial China*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc.

Johnson, L. (2011). *Women of the Conquest Dynasties. Gender and Identity in Liao and Jin China*. Honolulu: University of Hawaii Press .

Lee, L., & Wiles, S. (2014). *Biographical Dictionary of Chinese Women: Tang Through Ming, 618-1644*. London: M.E. Sharpe.

Shohat, E., & Stam, R. (2014). *Unthinking Eurocentrism. Multiculturalism and the Media*. NY: Routledge.

Abramyan, L. A. (1994). *The serpent at the well (the universal symbolism of the ritual-mythological image)*. In the *Historical and ethnographic study of folklore*. (pp. 20-34). Moscow: Russian Academy of Sciences.

Bylina of Dobrynya Nikitich. (1904). Saint Petersburg: I-e the St. Petersburg literacy society.

Hilferding, A. F. (1873). *Onega bylinas recorded by Alexander F. Hilferding in the summer of 1871*. SPb: Type. The Imperial Academy Of Sciences.

Grigoriev, A. D. (1904). *Epic and historical songs collected by A. D. Grigoriev in 1899-1901 in Arkhangelsk: with tunes recorded by the phonograph*, vol. 1, Part 1. Pomerania. Part 2. Pinega. Moscow: The Imperial Academy Of Sciences.

Danilevsky, I. (2004). *Primary Chronicle: hermeneutical foundations of the study of the annalistic texts*. Moscow: Aspect–Press.

Likhachev, D. S. (1950). *The tale of bygone years*. Part 2. App. M.-L.: of the Academy of Sciences of the USSR.

Pletneva, S. (2010). *The Cumans*. Moscow: "Lomonosov".

Russian folk epics collected by Kirsa-Danilov, Rybnikov, Hilferding and Kirievski. (1904). Moscow: T-VA I. D. Sytina.

Rybakov, B. (1963). *Old Rus: tales, epics, Chronicles*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR.

Rybakov, B. A. (1987). *Paganism Of Ancient Rus*. Moscow: Nauka.

Yakushenkov S. N. (2015). *Topophilia vs topophobia as a cognitive paradigm frontimage space*. The Caspian region: politics economy culture, 261-266.

Yakushenkov S. N. (2017). *On the border of clouds go sullenly, edge stern silence enveloped*. Part 2. Journal frontline research, 8-36.

Yakushenkova, O. S. (2013). *Woman on the American frontier*. Astrakhan: Izd. Sorokin R. V.

Yakushenkova, O. S., & Xu, Y. (2015. No. 2). *Heterotopic images of frontire heroine in Chinese cinema*. In *The Caspian region: Politics, economy, culture.*, P. 363-367.